

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-577-591

Рецензия на книгу

По поводу и по мотивам книги Михаила Таратуты «Русские и американцы»

**Рецензия на монографию: Таратута М. Русские
и американцы: Про них и про нас, таких разных.
М.: Альпина Паблишер, 2019. 318 с.**

Н.И. Бубнова

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Россия, 117997

Аннотация. В рецензии Н. Бубновой на книгу Михаила Таратуты «Русские и американцы» рассматривается, как в публикации представлены положение дел в переживающих трудный этап российско-американских отношениях, исторические особенности формирования идентичности обоих народов, специфика менталитета россиян и американцев, а также важнейшие внутривнутриполитические проблемы США и России и существующие в этих странах различия в организации социальной сферы: здравоохранения, образования, положения женщин, организации благотворительности. Имея многолетний опыт работы в США, Михаил Таратута по ряду тем уделяет преимущественное внимание ситуации в первую очередь в Америке, в частности таким проблемам, как: политический раскол в обществе при администрации Трампа, иммиграционный кризис, расовые противоречия, рост насилия с применением огнестрельного оружия, радикализация общества. Критически анализируя позицию автора книги по различным аспектам американской проблематики — с его открытиями и упущениями, рецензент одновременно отмечает важность того, что Америка предстает в книге хоть и противоречивой, но вместе с тем разноплановой, динамичной и созидающей, не злокозненной и не стремящейся непременно нанести ущерб России. Исходя из тезиса о непохожести русских и американцев, Таратута, тем не менее, считает возможным и желательным преодоление отчуждения между двумя странами, в котором, как он убежден, виноваты обе они одновременно, а в рецензии обращено внимание на социальные тренды, в том числе нашедшие отражение в книге, демонстрирующие — несмотря на политическое противостояние — определенное культурное сближение в обеих странах.

Ключевые слова: США, Трамп, российско-американские отношения, иммиграция, благотворительность, положение женщин, расовые противоречия, «американская мечта», феминизм, образование, медицина.

В последние годы одна за другой вышли несколько книг — на русском языке, но написанных как отечественными, так и американскими авторами — сравнивающих россиян и американцев или представляющих их мнение друг о друге. Среди

© Бубнова Н.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

самых интересных публикаций на эту тему: «Россия и США на пороге третьего тысячелетия» Бориса Гершунского, «„Рычащий медведь“ на „диком Востоке“» Эдуарда Баталова и Виктории Журавлевой, «Заклятые друзья» Ивана Куриллы, «Россия и США: Обреченные быть вместе?» Владислава Малькевича, «Почему Америка и Россия не слышат друг друга?» Анджелы Стент, «Russia from A to Я» Мишель Берди. В этом же ряду стоит и представляемая читателям книга «Русские и американцы» Михаила Таратуты. Кто-то скажет, что смешно сопоставлять русских и американцев: это как сравнивать яблоки и апельсины. Ну так авторы и не пытаются быть железобетонно серьезными. В любом случае книги на данную тему пользуются неизменным интересом. И дело здесь не только в любопытстве в отношении Соединенных Штатов, традиционном восприятии Америки в качестве «значимого другого», но и в желании «поладить», объяснить произошедший обвал отношений, понять, что было не так и что может быть лучше.

Появление публикаций про российско-американские отношения особенно ценно в условиях острого дефицита книг «про Трампа» на русском языке... и практически полного отсутствия «неругательных» книг на английском. А книга Михаила Таратуты, которой посвящена данная рецензия, оказывается актуальной и потому, что в ней рассматриваются темы, которые «у всех на слуху»: положение иммигрантов, строительство стены с Мексикой, расовые противоречия, раскол между леволибералами и сторонниками Трампа, борьба женщин за свои права, проблема права на оружие, благотворительность и пр.

Михаил Таратута — журналист-международник с многолетним опытом работы в США, где он начинал корреспондентом программы «Время», а затем был ведущим авторской передачи «Америка с Михаилом Таратутой». Достаточно упомянуть, что про эту страну он сделал более тысячи репортажей. Как говорится, если не он — то кто?

Как мы дошли до жизни такой... в российско-американских отношениях

Михаил Таратута пишет, что традиционно российско-американские отношения были сложными и страдали от взаимного непонимания. Но при этом справедливо отмечает, что в начале 1990-х, после развала СССР, уровень любви соотечественников к Америке буквально зашкаливал — достигал, судя по опросам, 80 процентов. Однако, с его точки зрения, все это произошло так, будто распад Советского Союза сопровождался одновременным взлетом любви к Соединенным Штатам. Как будто не было 60-х с их оттепелью и 70-х с произошедшим тогда отторжением значительной частью гуманитарной интеллигенции коммунистической идеологии и начавшейся «за железным занавесом» идеализации США.

Трудно согласиться и с тезисом, будто бы мы (будем использовать это местоимение вслед за автором) в период после распада СССР ожидали «всего и сразу» именно от Соединенных Штатов. В действительности, если чего-то и ожидали, то вовсе не в материальном плане — как это утверждает Таратута. Широко распространены были ожидания, что освободившуюся от коммунизма Россию с распростертыми объятиями встретят и поддержат «цивилизованные народы». А что

касается американского участия в российском экономическом строительстве 1990-х годов, то автор забыл упомянуть про американские 20 млрд долларов, вложенные тогда в отечественную экономику (из которых 80% ушли, впрочем, на оплату западных консультантов). Конечно, этого было недостаточно. И большая ошибка США, что они не вложились тогда в Россию, как следует и как следовало бы — например, по аналогии с упоминаемым Таратутой планом Маршалла. Но не в этом была главная российская обида. Демонстрация Вашингтоном убежденности в собственной победе в «холодной войне» (с тезисом о которой, впрочем, согласен и сам автор книги), нежелание считаться с интересами России, расширение НАТО, бомбардировки Югославии, война в Ираке, Афганистане, Ливии, поддержка «цветных революций» и событий «арабской весны» — все это подливало масло в огонь разгоравшихся противоречий между Россией и США. Тем не менее, как справедливо отмечает Таратута, сами тоже виноваты. Согласимся с ним, что в том, что Америка из партнера, пускай и «высокомерного, эгоистичного и не совсем дружественного», стала в какой-то момент противником, стоит поблагодарить «не только американских политиков, весь американский истеблишмент... — но также нашу российскую власть, нашу прессу, а заодно и самих себя» [6. С. 37].

Пошедшие из Москвы угрозы, бряцание оружием, антизападный раж на федеральных телеканалах, не говоря уже про Крым, силовую реакцию на события в Украине и, как убеждены в США, вмешательство в американские выборы — все это, наряду с вышеперечисленными ошибками и просчетами Запада, обрушило двусторонние отношения. Россию западные специалисты уже видят не гибридной демократией, как думает Таратута, а диктатурой, агрессивным полицейским государством, против которого надо разрабатывать меры сдерживания и противодействия. Можно соглашаться или нет с утверждением автора книги, что «наша ненависть, как и наша гордость, — это наш серотонин, наш психологический комфорт» [6. С. 36], что они «наш ответ на тотальное отставание от Запада», что «нам необходима „вторая реальность“» [6. С. 36] в лице нелюбимых Соединенных Штатов, «чтобы психологически выжить». Представляется, напротив, что ухудшения отношений ни одна из сторон не хотела и оно результат ошибок, совершенных, опять же, с обеих сторон. Но Таратута, безусловно, прав в том, что все это очень печально.

Две большие истории: или русские отдельно, американцы отдельно

Русские любят историю. Объясняя современность и типические черты россиян и американцев, Таратута в начале трех глав несколько раз снова и снова возвращается к самым истокам: американским первопоселенцам, с одной стороны, Атлантики и жителям Древней Руси — с другой.

Безграничностью просторов, которые преодолевали древнерусские племена, Таратута объясняет не только широту русской души, но и разрастание государственного аппарата, который, «чем дальше отодвигались наши границы... тем сильнее разрастался... проникая во все клетки, заполняя собой все полости российской жизни» [6. С. 41]. Как и многие историки и антропологи, автор моногра-

фии связывает общинность русского быта с императивом взаимопомощи и совместного выживания в трудных климатических условиях. Впрочем, в следующей главе — там, где он воспроизводит американскую историю — он тоже пишет о «трудных климатических условиях», в которых проходила жизнь прибывших из Европы пилигримов. Любопытно, что первые поселения пилигримов, как считает Таратута, начинались прямо-таки с колхозов, где все было общинное, общественное. Однако в Америке подобная форма хозяйствования быстро обнаружила свою неэффективность и уже буквально через пару лет сменилась индивидуальным хозяйствованием.

Таратута показывает, как на протяжении веков преодоление тягот быта на девственном континенте, освоение новых земель формировали упорный и свободолюбивый характер американских первопоселенцев и последовавших за ними новых поколений иммигрантов — с их надеждой на преуспевание, верой в собственные силы и привычкой к действию. В логике Макса Вебера он пишет и о том, какое воздействие на формирование американских институтов и трудовой этики оказала протестантская религия. Тогда как говоря о России, Таратута подчеркивает непреходящее значение, которое в истории страны сыграло принятие христианства. Однако можно поспорить с его предположением, что Владимир-креститель выбрал не столько православие, сколько Византию. Ведь, как писал Дмитрий Лихачев, «быстрота и „благополучие“ христианизации Руси и может объясняться только тем, что Русь нуждалась в христианстве, как в некоей культуре-субстрате, на которой должна была вырасти великая и самостоятельная культура» [3. С. 51].

К православным истокам возводит Таратута такие качества русского народа, как «наиболее почитаемая в православии добродетель смирения» [6. С. 51], долготерпение, жертвенность. «С точки зрения западного менталитета, — отмечает Таратута, — добровольно обрекать себя на страдание... — это патология. Некоторые западные исследователи так и называют нашу культуру — культура нравственного мазохизма, в центре которой они видят личность, действующую против собственных интересов» [6. С. 53]. Но при этом, подчеркивает автор, «„русская патология“ не раз спасала Европу» [6. С. 53].

Американцы на протяжении всей своей истории были движимы представлением, что Америка — свободная страна свободных людей, а ее миссия — служить путеводной звездой для других государств мира. Но тут можно было бы вспомнить и о Доктрине Монро, и о других событиях в ее совсем не столь однозначной истории. Что же касается будто бы всегда превалировавшей авторитарной доминанты в истории России, то, по мнению Александра Янова, периоды деспотизма и реакции всегда чередовались в ней с прорывами к свободе.

Отдельная глава книги посвящена периоду маккартизма, который автор называет самым постыдным в истории США. Впрочем, если сравнивать его с распространившимися в последний период в США страхами в отношении России и поисками «руки Москвы» и «агентов влияния», то указанный этап развития США во многом схож с тем, что наблюдается в настоящее время.

О ментальности не мудрствуя лукаво: стремление к смыслам vs американская мечта

Таратута многократно повторяет, что не знает, какая «духовность» есть у русских. Но фактически сам же отвечает на этот вопрос. Это стремление к смыслам, даже больше — делание хорошего как самоценность и самоцель; жажда справедливости и не только для себя, но и для других тоже, часто в ущерб самому себе. «...Сострадание, чувство жалости, умение прощать чужие грехи — все это есть в русской натуре», — указывает автор книги [6. С. 52].

Почитание добродетели смирения, как пишет Таратута, «обращает человека от настоящего к будущему» [6. С. 51] — и предопределяет свойственный русским фатализм, готовность жертвовать жизнью ради высокой цели и упование на лучшую жизнь в мире ином. Заметим, однако, что в постперестроечном поколении любовь к страданиям и убеждение, что Бог испытывает лучших, сменились на стремление к комфорту в этой жизни и подспудному ощущению — совсем «как у них» — что, если ты страдаешь, — значит, неправ. Но одновременно — и это плюс — и фатализма стало меньше.

Для россиян также важна искренность поведения, отсутствие фальши в общении. В этом плане интересно наблюдение Таратуты про знаменитые улыбки американцев. Его сравнение: улыбки — как скорлупки, своего рода защитный панцирь — это любопытный образ. Он пишет об индивидуализме и одиночестве американцев. Действительно, там не принято жаловаться, плакаться, а значит и возможности облегчить душу ограничены. Положено справляться, *perform* — чтобы тебя считали успешным человеком.

В этой связи утверждение Таратуты, будто бы американцы более честные, представляется весьма спорным, если только не вспомнить об англосаксонском представлении о «цельности» (вместо обычного для русских слова «порядочность»), которая включает как связи между людьми, так и отношения с властью, законом. И если в первом случае сравнение вовсе не обязательно будет в пользу американцев, то во втором первенство, несомненно, будет у последних. Хорошо известно, что в Америке сотрудничество с государством считается нормой. Тогда как в России, напротив, исторически государство всегда представлялось самоценностью, а жили «по понятиям» и, как пишет Таратута, «справедливость для русского человека всегда была выше закона» [6. С. 74].

В связи с этим хотелось бы поспорить и с рассуждениями Таратуты о доверии и недоверии в России и США. «Да и друг другу у нас как-то не очень доверяют» [6. С. 75], — пишет автор. При этом он ссылается на культуролога Лоренса Харрисона, который считает, что отсутствие доверия — фактор, который тормозит развитие страны. Однако опросы фиксируют в России чуть меньшее доверие к людям вообще по сравнению с западными странами, но большее — к знакомым, друзьям, внутри семьи. Публикуемые исследования свидетельствуют, что около половины россиян имеют близких друзей и для них дружеские отношения почти так же важны, как отношения в семье (исследования ВЦИОМ) [1. С. 182]. При этом 60% россиян в ходе опросов также сообщают, что имеют хорошие, дружеские отношения с ближайшими соседями [4. С. 32].

Трудно согласиться с Таратутой, и когда он многократно отмечает якобы присущую русским нелюбовь к другому, иному (которую он связывает с православием, византийскими корнями). В действительности же, опасение инаковости свойственно любым людям, людям вообще со времен племенной вражды, но русские в этом плане скорее отличаются в лучшую сторону [3. С. 27]. Не случайно в русском языке слово «другой» имеет позитивную коннотацию. «Она другая», «ты другая» — значит у нас: прекрасная. А в Америке, говоря *different* («другой»), — имеют в виду «нехороший». Традиционно их «плавильный котел» подразумевал, что надо «плавиться» — хочешь или не хочешь. ...Русские «не привыкли к такому этническому многообразию», — утверждает Таратута [6. С. 238]. Но разве это про нас?! У нас, напротив, — хотя потоки трудовой миграции в последние два десятилетия и повысили градус раздражения к приезжим — присутствует многовековой опыт проживания бок о бок различных народностей, любопытство и восприимчивость по отношению к другим культурам. Американцы, впрочем, тоже любопытны — поспорим в этом уже не с Таратутой, а с Ильфом и Петровым. И с интересом расспрашивают людей из других стран, «как там у них». Однако, в отличие от русских, подспудно убеждены, что правильно — именно как у них в Америке.

Сучки и задоринки повседневной жизни

«Часто живут в отдельных домах, у многих машины», — пишет Таратута о своих впечатлениях об Америке конца 1970-х, когда он впервые приехал туда. Действительно в 1979 г., к которому относится его наблюдение, около 80 процентов американцев жили в собственном доме (сейчас около 70, рекордно низкий показатель для США). А количество машин превышало число семей: для конца 70-х эта цифра составляла около 120 млн.

А вот что американцы не приглашают в эти свои дома гостей, — то уж с этим позвольте не согласиться категорически. Приглашают и приглашают вовсю. Совсем не так, как в некоторых европейских странах, где дом — воистину крепость. Зовут в гости не только друзей, но и коллег, соседей, друзей друзей. Автора рецензии — за три года проживания в американской глубинке на Среднем Западе — коллеги и знакомые американцы принимали у себя дома 36 раз. Даже во времена «холодной войны» и вплоть до недавнего скандала с «российским вмешательством в выборы», когда русские стали казаться «токсичными», — приглашали в гости и наших дипломатов с журналистами. Сказывается не только относительная дешевизна продуктов при высоких зарплатах, но и в целом открытый характер американцев.

Некоторых читателей возможно удивит, что Таратута пишет, будто бы 15 млн американцев «остались неохваченными» медицинской страховкой. Ведь программа доступной медицинской помощи «Обамакер», с которой сейчас так упорно борется Трамп, должна была охватить практически все население. Однако в действительности, несмотря на ее реализацию, количество не имеющих медицинскую страховку американцев, хоть и достигло в 2016 г. исторического минимума (снизившись со своего пика в 46,5 млн в 2010 г.), тем не менее, составляет

более 27 млн человек [7. Р. 1, 3, 5] и с 2017 г. снова начало расти. Одновременно повысились страховые взносы для всех остальных категорий граждан, что и является первейшим предметом критики республиканской администрации. А в целом почти 50 млн американцев не имеют доступа к необходимой им медицинской помощи как из-за отсутствия страховки, так и из-за уменьшившегося по стране количества врачей, нехватки требуемых специалистов в соседнем населенном пункте и пр. Хотя, тем не менее, медицина для американцев всегда была и остается предметом гордости, и они непоколебимо убеждены, что она у них лучшая в мире... в отличие от их системы образования.

Таратута много пишет о том, что в американских семьях и школах детей учат независимости, умению самостоятельно решить проблему. «...Американские школы не рожают в детях комплексы, а, напротив, раскрепощают учеников, не навязывают готовые ответы, а поощряют их самостоятельный поиск. Уважая личность в своих учениках, школа с младых ногтей воспитывает в детях чувства свободы и достоинства», — звучит как манифест, но в действительности в значительной степени является *wishful thinking*, представлением идеального как реального. Если бы это было правдой, в Соединенных Штатах не говорили бы постоянно о кризисе системы образования. Станным показалось и то, что автор считает, что главное в американских школах, чтобы там было *fun* — весело, увлекательно. Да, учителя стараются сделать уроки интересными, использовать визуальные материалы, современные технологии. Но поскольку от детей ожидается меньше по сравнению с советскими школами, где учились представители моего поколения, то уроки, осваиваемый материал в американской школе могут показаться излишне упрощенным. А многократное повторение одного и того же (поскольку не считается, что ученик способен запомнить это самостоятельно вне школы) усугубляет скуку. При всем том учителя в Америке действительно не кричат на детей. И если еще в 1970-х физические наказания были непременной частью образовательного процесса в католических школах, то с тех пор они были запрещены в подавляющем большинстве штатов.

Что касается самостоятельности, то в самом деле многие американские дети зарабатывают свои первые деньги рано: разносят почту, убирают снег у соседей, в более старшем возрасте остаются с чужими детьми и т.д. В США не считается предосудительным, когда родители платят дочке или сыну за участие в уборке или когда школьники берут с соучеников деньги за помощь с уроками. Но американцы, в отличие от поколения россиян, родившегося еще в СССР, сравнительно поздно учатся справляться по дому, самостоятельно передвигаться по городу (там это называется быть *street-smart*), ходить в магазин и пр.

Однако, действительно, от американской молодежи ожидается, что уж после окончания университета они будут самостоятельно обеспечивать себя и решать собственные проблемы. Да и во время пребывания чада в высшем учебном заведении даже богатые родители могут решить, что они будут оплачивать только сам процесс обучения — так называемую *tuition fee* — а их дочь или сын должны будут сами зарабатывать себе на проживание — *living expenses*. Но времена меняются, и взгляды и установки соотечественников в этом плане понемногу сближаются с американскими.

Раскол в стране: все не смешались в американском доме

Наверное, лучшие главы в книге посвящены драматичному разделению, произошедшему в американском обществе. Цитируя специалиста по гражданским конфликтам Кейта Майнса, Таратута пишет об ослаблении политических институтов США, в первую очередь Конгресса и судебной системы, о растущей роли прессы в расколе общества: «Сегодня весь информационный рынок США поделен между шестью гигантскими медийными холдингами. Каждый из них обслуживает свой сегмент аудитории, поставляя ей ровно ту информацию, которую она хочет слышать и читать: демократы получают новости и комментарии под углом своих убеждений, республиканцы — своих (сохранен синтаксис оригинала. — Н.Б.)» [6. С. 196—197]. Добавим при этом, что и в социальных сетях различные категории американской публики (в России не совсем так), по свидетельству экспертов, тоже практически «не пересекаются»: либералы общаются с либералами, а консерваторы с консерваторами. При этом полярные позиции у этих разных аудиторий наблюдаются по коренным для страны вопросам: отношению к иммиграции, всеобщей медицинской помощи, программам помощи бедным, отношению к абортам, легализации однополых браков, проблеме получения разрешения на владение оружием.

Автор справедливо отмечает, что следствием — добавим, что и воплощением — подобного раскола в обществе явилось избрание президентом Дональда Трампа, который — сам будучи миллиардером — парадоксальным образом сумел позиционировать себя как представителя «простых американцев» [2. С. 6], выражающего интересы и защищающего позиции трудового народа: плюс-минус тридцати процентов населения, сохраняющих верность ему, несмотря на развернутую против него борьбу Демократической партии и истеблишмента и разнузданную антитрамповскую кампанию в американских либеральных СМИ.

Однако с выводом Таратуты о том, что за счет эффекта «плавильного котла» в стране происходило формирование единой нации, можно согласиться лишь отчасти: скорее можно говорить о двух нациях, поскольку и по социально-политическому положению, и по малому, хотя и выросшему на порядок, количеству смешанных браков, в Соединенных Штатах все равно фактически развиваются две нации. Многочисленные программы интеграции и стимулирования найма чернокожих привели к снижению преступности и значительному улучшению их положения. Однако все это уменьшило, но не устранило драматический разрыв в положении белого и чернокожего населения.

Поэтому трудно принять пафос автора, когда он пишет про безработных из числа афроамериканцев так, как будто они сами виноваты в положении, в котором оказались: «Не имея ни образования, ни специальности, не проработав и дня в своей жизни, эти потомственные безработные живут в убеждении, что общество устроено несправедливо и бесконечно им обязано, что мир враждебен по отношению к ним. И они отвечают такой же враждебностью миру» [6. С. 222—223]. Однако чернокожие юноши, рожденные в гетто, несмотря на все достигнутые успехи по десегрегации, действительно имеют огромные проблемы в том, чтобы

вырваться за пределы среды, отягощенной преступностью и наркотиками, не могут рассчитывать на получение адекватного образования, позволяющего поступить в лучшие вузы, испытывают сложности при поисках работы. Очевидно, общая оценка существующего положения дел должна учитывать специфику общества, создавшего и все еще не преодолевшего подобную несправедливость.

Женщины в контексте феминизма

Женщины составляют добрую (во всех смыслах) половину человечества (хотя и меньшую в США по сравнению с большей в России — отсюда тоже разница в восприятии взаимоотношений полов). Но Таратута больше пишет не об этом, а о феминизме. И даже про Трампа он рассказывает больше всего в контексте роста феминизма и волны обвинений в харассменте. Однако можно согласиться с патетикой Таратуты, когда он пишет об оголтелости и перегибах как феминизма, так и кампании, связанной с заявлениями о сексуальном домогательстве. Стремление добиваться своих прав «как группы», что в высшей степени свойственно американцам (а в данной ситуации американкам), в случае с борьбой феминисток превратилось в настоящую войну. «Цель этой войны — убедить женщин, что они ничем не отличаются от мужчин, что якобы имеющиеся различия между полами — физические, психологические, эмоциональные — не предопределены природой, они живут только в их головах, что это не более чем социальные конструкты, результат вековых ограничений и стереотипов, навязанных миром мужчин» [б. С. 282]. Да, так действительно думают многие женщины в США: сама не единожды слышала это от своих студенток в американском университете, доказывавших, что они ничем не отличаются от сокурсников — «их, мол, только воспитали другими».

Таратута считает, что «самое мощное цунами обвинений в сексуальных домогательствах известных и влиятельных мужчин» [Там же], которое в последнее время захлестнуло Америку, связано с происходившим в последние десятилетия полевением либеральной мысли, охватившим университетские круги, Голливуд, журналистику, шоу-бизнес и значительную часть Демократической партии в целом. Америка «созрела» для этой волны скандалов вследствие распространения леволиберальной культуры с ее «насильственным насаждением мультикультурности [?! — это термин применим скорее к Европе, а не к Штатам. — *Н.Б.*], зашкаливающей политкорректностью и социалистическим популизмом» [Там же].

Согласимся с Таратутой в том, что не хочется, чтобы в России «движение в защиту женского достоинства... выродилось в свою карикатуру, как это сейчас происходит за океаном» [б. С. 293]. Но вместе с тем согласимся не соглашаться — или, точнее, не вполне соглашаться — с его следующей, завершающей главу, фразой, что «Россия с трудом воспринимает культуру равноправия, у нас она находится в зародышевом состоянии, задуть который (кого? следовало бы пояснить. — *Н.Б.*) пытаются даже власти» [б. С. 293]. Здесь далеко не все так однозначно. Вспомним, что наши соотечественницы голосовали задолго до американок, воевали в Гражданскую, Первую мировую и Великую Отечественную (500 тыс.), восстанавливали страну, когда многие сверстники-мужчины погибли. 97% женщин в СССР работали, когда в Америке $\frac{2}{3}$ еще сидели дома в конце 1960-х гг.

Но, тем не менее, в России позитивных «подвижек» в положении женщин в последние несколько десятилетий действительно не наблюдается: соотношение женской зарплаты к мужской осталось на уровне последних лет перед распадом СССР — 62% — и воз и ныне там.

В Штатах, в которых соотношение женской зарплаты к мужской еще несколько десятилетий назад было такое же, как и в СССР, за истекшие годы положение женщин существенно улучшилось и соответствующие показатели составили уже 82%. Это, конечно же, огромный успех. Но проблемы женщин за океаном далеко не решены — поспорим и в этом с Таратутой. И 82% — это далеко еще не сто процентов, и даже сто процентов от мужской зарплаты — это не все, что нужно для самореализации и гармонии в жизни. А то, что женщины в США для достижения успеха и продвижения по службе чувствуют необходимость вести себя как мужчины, — этот факт фиксируют соцопросы и медицинские исследования — тоже своего рода насилие над личностью и свидетельство неблагополучия общества. Три из четырех американских женщин на высоких постах имеют проблемы с деторождением и наблюдаются у врачей по поводу гормональных изменений. В США большой объем домашнего насилия, показатели которого идут вверх. А тенденция резкого расширения владения оружием среди женщин — свидетельство не только и не столько возрастающего равноправия и рациональности, сколько стремления защититься.

Да, жаль, что про наших (и про американских) замечательных женщин в книге сказано только в контексте феминизма...

Иммиграция: поехали за орехами

Таратута пишет о притоке иммигрантов в США со смешанным чувством восхищения и оторопи, что по-английски определяется словом *awe*: «Я не знаю ни одной другой страны, которая сегодня принимает у себя такое число людей со всего мира. В последние 30 лет в Америке ежегодно оседало от 700 000 до 1,8 миллиона иммигрантов! И это только легально!» [б. С. 239]. Он отмечает, что уже сейчас в Майями живет больше выходцев с Кубы, чем потомков иммигрантов из Европы, а на значительной части территории Флориды и Калифорнии испанский язык распространен наравне с английским, и для каждого четвертого из калифорнийских детей английский язык не является родным.

Таратута подробно рассказывает, как исторически Соединенные Штаты формировались волнами иммигрантов. Однако его утверждение, будто бы принятый в 1882 г. запрет на въезд китайцев был первым и единственным в истории Америки законом, ограничившим иммиграцию по признаку расы, не совсем точно. Поскольку один из основных законодательных актов, подписанный Дональдом Трампом вскоре после вступления в должность, Иммиграционный акт — временно закрыл въезд для приезжих из семи арабских стран. В их число вошли Ирак, Сомали, Иран, Судан, Йемен, Ливия и Сирия — для граждан последней доступ в США был прекращен на постоянной основе.

Но, в отличие от того, что утверждает Таратута, меры Трампа не привели к сокращению иммиграции. Напротив, происходит ее рост, особенно на южной гра-

нице. Но между тем действительно интересно наблюдение автора, что происходит смена парадигмы. На протяжении трех с половиной веков, иммигрировав в США, «приезжие неизменно перенимали американский быт и американские ценности» [6. С. 254]. Теперь же этнические сообщества вновь прибывших застолбили и расширяют свое культурное и общественно-политическое пространство, меняя и соответствующее пространство самих Соединенных Штатов.

О работе, труде и благотворительности... с любовью

В книге очень мало говорится о бизнесе, заводах и фабриках, о развитии американских городов, нефтедобыче и добыче угля, сфере услуг и высоких технологий, энергетике и транспорте. Таратута пишет, что американское могущество было воздвигнуто на плечах черных подневольных тружеников на рабовладельческих плантациях Юга — но это спорный тезис.

Лишь по касательной затронута профессиональная сфера, которая у американцев считается каркасом личности. «*What do you do for living?*» (Чем вы занимаетесь, чтобы заработать на жизнь?), — спрашивают при первой встрече, при первом свидании. Таратута справедливо отмечает знаменитую американскую работоспособность. Однако при этом пишет, будто бы, получив задание, американец сразу разложит его по задачам (*tasks*), найдет алгоритм действий и выполнит все по первому разряду. Не факт. По последним исследованиям, показатели продуктивности в Северной Америке находятся примерно посередине мировой шкалы, хотя американцы, как правило, работают дольше остальных. Но, тем не менее, действительно велика вероятность того, что, получив работу, американец набросится на нее, постарается сделать хорошо. Работу в Штатах ценят, работают много, работу боятся потерять.

«В отсталых странах новаторство воспринимается как угроза установившейся стабильности, как ересь. К труду в таких странах относятся как к повинности. Работают, чтобы жить. В динамичных странах живут, чтобы работать» [6. С. 72—73], — утверждает Таратута. Однако на самом деле, как отмечается в ведущих исследованиях по управленческому консультированию (во многих проектах по оптимизации производственных процессов автору рецензии довелось лично участвовать), людям на предприятиях любых, самых различных, стран свойственно встречать нововведения в штыки. А в том, что касается Соединенных Штатов, удивительно, как многие, судя по опросам, там говорят, что им не нравится то, чем они занимаются, что работают только для денег: по различным опросам, до 80% — хотя эта тенденция и меняется в среде молодых.

Впрочем, и в России, по многим наблюдениям, в настоящее время молодое поколение «внуков Горбачева», в отличие от стремившегося к материальному благополучию поколения «нулевых», отдают приоритет самореализации, не имеют комплекса неполноценности в отношении Запада и чувствуют себя частью открытого мира [5]. И на тех предприятиях, где налажены современные процессы, россияне, как свидетельствуют исследования, демонстрируют способность работать не хуже и не меньше европейцев и почти столько же, сколько американцы.

Гораздо больше, чем о бизнесе, Таратута пишет о благотворительности. Цифры благотворительности в США, приводимые им, впечатляют. В этой сфере занято 10% всех работающих в США, что составляет 11 млн человек. Почти полтора миллиона американских благотворительных организаций собрали в одном лишь 2015 г. пожертвований на невероятную сумму в 373,5 млрд долларов. В России благотворительность, однако, тоже набирает обороты. Хотя из-за государственно-монополистического характера экономики, многим компаниям и предприятиям просто «предписано» осуществлять такого рода пожертвования, тем не менее, ширится и общественное участие в благотворительности.

Заключение

Очень ценно, что Америка предстает в труде Михаила Таратуты живой, разноплановой, динамичной, созидающей, дающей возможность своим гражданам строить свою жизнь, не злокозненной и не стремящейся непременно нанести ущерб России.

Но вместе с тем не надо принимать за стопроцентную истину и то, что написано в данной книге, как и в любой другой. Собственно, к этому в своем тексте призывает и сам Таратута. Читайте, не завидуйте, сравнивайте с другими источниками, думайте. Надеемся, что этому в какой-то мере поспособствует и данная рецензия. Некоторые «ограничители» в позиции автора книги, как представляется, — результат его опыта проживания в Калифорнии, в столице и «на побережьях», отличающихся от «глубинной Америки», а также, может быть, отсутствие у него опыта работы в американских организациях и более тесного дружеского общения с «аборигенами». Книга также выиграла бы от дополнительной редактуры. Цитаты, в том числе довольно пространные, даны без ссылок. Обращают на себя внимание и некоторые «неполиткорректности» типа: «какой-нибудь захудалый народец», «Гавайи — это именно курьез», «жидкий гавайский генотип», «люди со смешными косичками», «тележурналист с лицом Дэн Сяопина и манерами английского лорда». Хотя они и представляются довольно случайными во в целом сбалансированном тексте.

Многое осталось «за кадром». В том числе самое значимое для русских и то, что у них всегда было на самом высоком уровне и даже выше: любовь, дружба, страсти, литература, театр, стихи и уникальная школа переводов, делающая весь мир поэзии — нашим. За рамками книги и многое из того, что числится среди самого важного для американцев и в чем они впереди планеты всей: деньги, дом, автомобили, спорт, мюзиклы, Голливуд и все, что с ним связано. Не стали предметом рассмотрения, к сожалению, и те вещи, которые и они, и мы любим: природа, спорт, юмор (хотя он бывает весьма разным в США и в России), и, конечно же, освоение космоса, стремление к звездам. Или одинаково не приемлем: насилие, распространение наркотиков, терроризм. Точки соприкосновения стоит искать как в сходных общественных устремлениях, по целому ряду которых, как было показано выше, несмотря на политическое отчуждение, происходит сближение российских позиций с американскими, так и по перспективным направлениям совместной деятельности в преодолении главных угроз, стоящих перед обоими обществами. Ждем продолжения. Продолжение следует?

Библиографический список

- [1] Бубнова Н. История с демократией // 20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе / ред. Н. Бубнова. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/20yearsWall_RUS_web.pdf. Дата обращения: 15.10.2016.
- [2] Бубнова Н.И. Структурные и кадровые сложности формирования внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Пути к миру и безопасности. Декабрь 2017. № 2. С. 6—27.
- [3] Лихачёв Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 438 с.
- [4] Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2009. 201 с.
- [5] Островский А. Говорит и показывает Москва: Путешествие из будущего в прошлое средствами массовой информации. Москва: Corpus, 2019. 528 с.
- [6] Таратута М. Русские и американцы: про них и про нас, таких разных. М.: Альпина Паблшер, 2019. 318 с.
- [7] Key Facts about the Uninsured Population // The Henry J. Kaiser Family Foundation. 7 Dec. 2018. 29 p.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 21.03.2019.

Статья принята к публикации 15.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-577-591

Book review

About and Based on the Book by Mikhail Taratuta “Russians and Americans” Book review: Taratuta M. *America and Russia. We are so Different. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 318 p.*

N.I. Bubnova

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO)
of the Russian Academy of Sciences,
Profsoyuznaya Str. 23, Moscow, Russian Federation, 117997

Abstract. In her review of Michail Taratuta’s recently published volume “Russians and Americans”, Natalia Bubnova offers a thorough analysis of how the book depicts the troubled state of affairs in the U.S.—Russia relations, the historic and cultural factors that formed the national identities of Americans and Russians and the resulting differences in the mentalities of the two peoples, as well as the state of the current domestic life in the United States and Russia, the particularities of their health care and educations systems, their special features of gender relations, the functioning of local charity organiza-

tions, etc. Having lived and worked for many years in America, Taratuta, on a whole number of topics, focuses primarily on the United States. These include the ongoing political schism under the Trump's Administration, the migration crisis and racial contradictions, the gun control problem, and the rise of both the left- and right-wing radicals. While siding with Taratuta's assessments on a number of issues, Bubnova offers an alternative viewpoint on others, yet acknowledges the importance of the book's overall perspective on the United States as a vibrant, resourceful and dynamic society, and not necessarily aggressive or conspiring against Russia. Though proceeding from an assumption that Americans and Russians have few similarities, Taratuta simultaneously believes that it is imperative to overcome the current confrontation, for which he blames both sides. The review points out to the social trends — some of which are reflected in the book — which, despite the political alienation, nevertheless manifest certain signs of cultural rapprochement.

Keywords: United States, U.S.—Russia relations, immigration, charity, racial discrimination, American dream, feminism, education, medical care

References

- [1] Bubnova N. What Happened to Democracy. *20 Years Without the Berlin Wall: A Breakthrough to Freedom*. Bubnova, N. (Ed.) Carnegie Moscow Center, ROSSPEN; 2011. 291 p. Available from: http://carnegieendowment.org/files/20yearsWall_RUS_web.pdf. Accessed: 15.10.2016.
- [2] Bubnova N.I. Trump's Stand-off with the Establishment: The Administration's Structural and Cadre Difficulties in Laying out its Foreign Policy Course. *Pathways to Peace and Security*, IMEMO. 2017; 2: 6—27 (In Russ.).
- [3] Likhachov D.S. *Russian Culture*. Moscow: Iscusstvo Publishers; 2000. 438 p. (In Russ.).
- [4] Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. *The Practices of Philanthropy in Russia: Engagement and Population's Attitude to Those Practices*. Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of University — Higher School of Economics; 2009. 201 p. (In Russ.).
- [5] Ostrovskiy A. Moscow Broadcast: Journey from the Future into the Past by Means of Mass Communication. Moscow: Corpus; 2019. 528 p. (In Russ.).
- [6] Taratuta M. *America and Russia. We are so Different*. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 318 p. (In Russ.).
- [7] Key Facts about the Uninsured Population. *The Henry J. Kaiser Family Foundation*. 7 Dec. 2018. 29 p.

Article history:

The article was submitted on 21.03.2019.

The article was accepted on 15.06.2019.

Сведения об авторе:

Бубнова Наталья Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ORCID ID: 0000-0002-1434-4133) (e-mail: nataliaibubnova@gmail.com).

Information about the author:

Natalia I. Bubnova — PhD in History, Leading Researcher of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1434-4133) (e-mail: nbubnova@imemo.ru).

Для цитирования:

Бубнова Н.И. По поводу и по мотивам книги Михаила Таратуты «Русские и американцы». Рецензия на монографию: Таратута М. Русские и американцы: Про них и про нас, таких разных. М.: Альпина Паблишер, 2019. 318 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 577—591. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-577-591.

For citation:

Bubnova N.I. About and Based on the Book by Mikhail Taratuta “Russians and Americans”. Book review: Taratuta M. America and Russia. We are so Different. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 318 p. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 577—591. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-577-591.